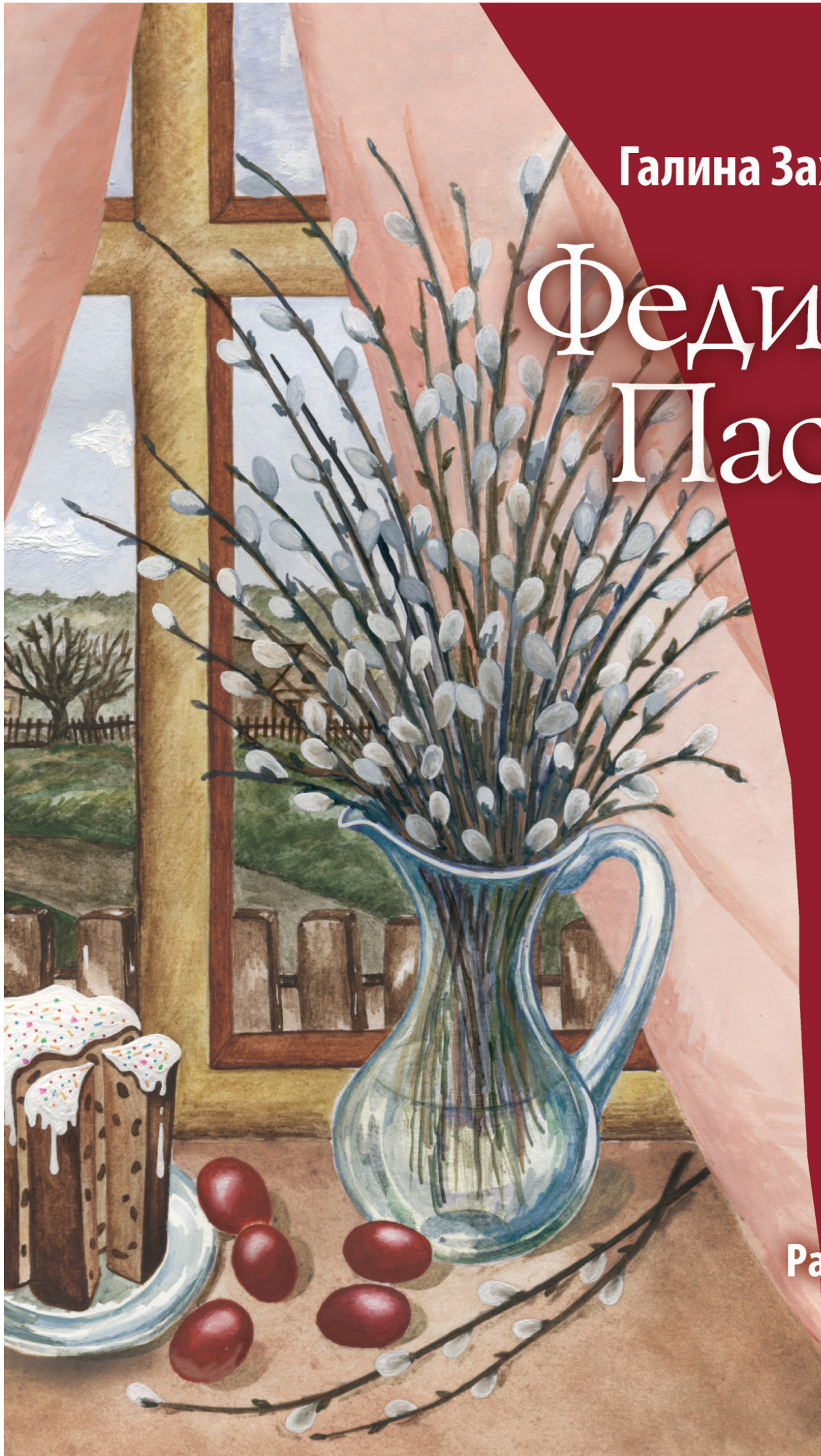

Галина Захарова

Федина Пасха

Рассказы

Галина Захарова
Федина Пасха (сборник)

Православное издательство "Сатись"

2011

Захарова Г. И.

Федина Пасха (сборник) / Г. И. Захарова — Православное
издательство "Сатись", 2011

ISBN 978-5-7868-0005-1

Рассказы Галины Захаровой, вошедшие в этот сборник, взяты из жизни и трогают своей простотой, бесхитростностью и душевностью.

ISBN 978-5-7868-0005-1

© Захарова Г. И., 2011
© Православное издательство
"Сатись", 2011

Содержание

Часть I	6
Многострадальный Иов	6
Бабушка вспоминает...	9
Федина Пасха	13
Исповедь	17
Бабушкин урок	19
Тяжкий грех	21
Господи, помоги	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

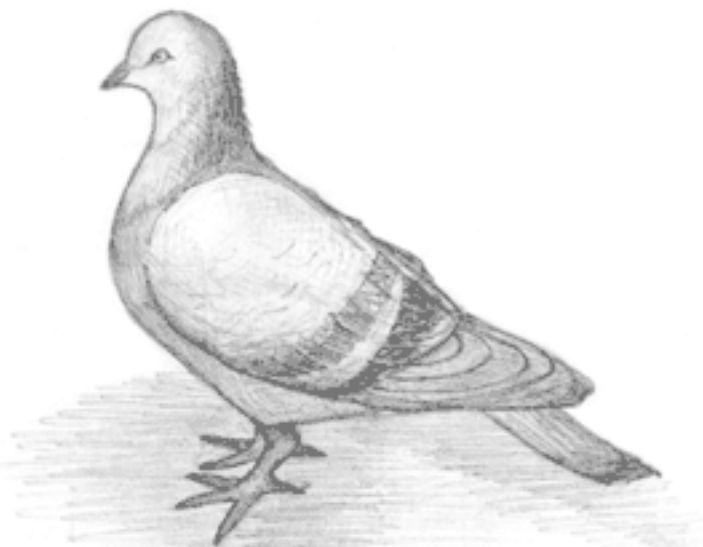
Галина Захарова

Федина Пасха

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, оформление, 2011

© Г. Захарова, текст, составление, 2011

Часть I

Многострадальный Иов

Как-то под вечер бабушка дочитала Феде Библию. Уже темнело. Через заиндевевшее стекло тускло мерцали фонари деревянных столбов. Вдали смутно чернел лес. Где-то залаяла и смолкла собака. А в доме Феде было тихо, тепло, уютно. Уже прошли Рождество и Старый год, а у них еще повсюду стояли вазочки, баночки с еловыми ветками. Бабушка никогда не рубила елки. Она собирала сломанные после бури ветки и, вместе с Федей, украшала их. Веток было так много, что от них еще стоял крепкий еловый дух. На ветках висели оставшиеся со старых времен игрушки, Федины фонарики, цепочки. Висели там, на самом видном месте и шоколадные Снегурочка и Снеговичок, завернутые в блестящие обертки. Федя любил поглядывать на них. Наконец, не выдержал и спросил:

– А... долго там будет еще висеть наша еда?

– Какая еда? – не поняла бабушка.

– Ну... где Снеговичок и Снегурочка...

Бабушка огляделась и засмеялась.

– Вот оно что? А я и забыла.

Погладила его по голове.

– Ну снимай их, а вечером попьем чай. Или пусть до чая повисят, а? Федя немного расстроился, но мотнул головой.

– Не переживай, – поглядела на него бабушка.

– Твои огорчения, как песчинка перед невгодами многострадального Иова.

– А кто такой Иов? – оживился Федя. Расскажи, пожалуйста.

Бабушка обычно бывала занята и всегда просила подождать. А тут начала сразу:

– Ну, слушай. Только давай сядем тут, на скамеечку, перед самоварчиком. Ноги поды-
усти.

Она отнесла в свою комнатку Библию и села за стол. Федя, оперев локти на стол, выжидательно смотрел на бабушку.

– Было это очень давно. Еще во времена Моисея. Где-то в Аравии. Жил там очень хороший человек по имени Иов. Был он очень благочестивый и богатый и было у него семь сыновей и три дочери. Дети были дружны между собой, никогда не ссорились и слушались родителей. Все люди эту семью очень уважали... Как-то собрались Ангелы пред Богом, как всегда, диавол тоже решил предстать пред Богом. Ему было очень неприятно и завидно, что Иов очень богатый и любит Бога.

– Что тебе надо? – спросил его Бог, хотя заранее все знал: и мысли диавола, и что будет с Иовом. Диавол сказал:

– Ты думаешь, он такой богатый и счастливый, что любит и благоденствует тебя? Думаешь, он так прост? Не-е-е. Вот попробуй-ка отними от него все: и богатство его большое, и детей, и все, что у него есть. Какой он тогда будет? Богу, конечно, все было известно, но чтобы показать множеству людей правду, он разрешил диаволу отнять у Иова все, что у него было. В один день прибегают его слуги и плачут, большие стада отняли у них разбойники. Дом, где жили его взрослые дети, повалило бурей, дом свалился и задавил всех детей. Когда Иов узнал, что случилось все это за один день, он был потрясен от горя. Но сказал:

– Наг я родился от матери моей, наг возвращаюсь и в землю. Господь знает, что со мной делать. Господь дал – Господь и взял. Да будет имя Его всегда благословенно. Вот какой мужественный был Иов.

Диаволу даже противно сделалось, зависть черная так и точила его. Он снова предстал пред Богом и с ухмылкой сказал Ему:

– Это еще можно выдержать, а вот попробуй зарази его тело насквозь заразной тяжелой болезнью. Вот тут-то он по-другому заговорит. Ха-ха.

Бог был уверен в Иове и поэтому опять разрешил диаволу поразить его какой-нибудь болезнью. Тут уж диавол постарался. Все тело Иова стало гнить, покрылось заразными гнойными струпами с головы до самых ног. И все это очень болело и чесалось. Горшечным осколком скоблил Иов гной со всего тела и чесал его. При этом от него шел тяжелый нестерпимый запах. Все друзья его покинули. Многие думали, что Бог наказал Иова за большие грехи. Его отвезли в другое место, где он сидел одинокий на навозной куче, чесался и очень страдал. Жена плакала, упрекала, зарабатывая гроши тяжелым трудом. Но Иов отвечал ей:

– Супруга моя, неужели мы должны принимать от Бога только хорошее, а плохое не принимать? Он сам знает, что с нами делать. Да будет имя Его всегда благословенно.

– Бедненький, – тихо сказал Федя. Как же так он мог вынести? Столько терпеть ради Господа.

– Вот поэтому внучек, его и называли Иов Многострадальный. И Бог за такие слова еще больше возблагодарил Иова. Он очень быстро выздоровел. У него снова родилось семь сыновей и три дочери. Богатства ему прибавилось еще больше. Жил он очень счастливо и долго – сто сорок лет.

– Как бы и мне пострадать за Господа? – спросил Федя. – Чтобы доказать, что я Его тоже люблю.

– Ты из-за конфеток, наверное, тоже страдал, – засмеялась бабушка. Федя покраснел:

– Это же мелочи.

– Господь, внучек, лишние трудности не даст человеку. Он знает, кто какой крест должен нести достойно. Много дает Он нам возможности потерпеть, да мы не всегда понимаем. Прости меня, Господи.

– А если Он нам дает мало трудностей, значит... Он не так нас любит...

Бабушка взглянула на внука. Вздохнула.

– Нам Он уже дал некоторые страдания.

– Какие? – удивился Федя. – Мы сейчас с тобой хорошо живем.

Бабушка долго грустно смотрела на него. Обняла.

– У тебя, Феденька, катастрофа отняла твоих папу и маму. Ты это знаешь. Они у тебя были хорошие и добрые. В храм ходили. Я, наверное, для тебя тогда осталась дома, а тебя откинула через окно, в траву.

Она нежно гладила его русую макушку волос, поцеловала ее. Прошлое как будто всколыхнулось, возвращаясь, страшно оживало... Федя молчал. Он чувствовал ее состояние и уже хотел заплакать. Обняв бабушку за шею и кое-как справившись с собой, сказал:

– Ну, что делать? Ты ж сама всегда говорила – значит так надо. Слава Богу. А давай-ка, бабушка, поставим с тобой самовар-то. С этими конфетками. Тебе Снегурку, мне Снеговика. Бабушка улыбнулась. Вытерла слезы.

– Спасибо, внучек. Мы с тобой, конечно, не одни. С нами наш Великий Бог. Он-то не оставит нас.

Она перекрестила Федю и они неожиданно для себя обнялись.

Бабушка вспоминает...

Целый день назойливо крутилась метель, согнав всех по домам и, словно чувствуя свою силу, без сопротивления, так разошлась, что не могла успокоиться уже вторые сутки.

Шел Великий пост. В один из его морозных дней бабушка решила подложить в печку побольше березовых поленьев, они дольше горят и дают особый жар. Федя сидел тут же и замороженно глядел в жаркое месиво огня, где искрясь, начало трещать новое полено. Огненные блики весело играли на его лице.

– Хорошо-то как, – медленно произнес он. – На улице холодрыга, жуть, а тут тепло и уютно...

– Да, внучек, – решив засунуть еще одно полено, ответила бабушка. – Господь им дает.

– А ты, когда маленькая была, ну, как я – ты постилась?

– Нет. Бабушка грустно улыбнулась. Мы почти все свое детство постились.

Федя удивился:

– Это как же? – и выжидательно посмотрел на нее. – Ведь постятся только сорок дней, а там уж другие посты.

Бабушка вздохнула. Помолчала. Закрывает печку:

– Мы, детка, по-другому жили. Только долго рассказывать. Потом когда-нибудь.

– Бабушка! – почти простонал он. – Я тебя очень-очень прошу. Сейчас все равно уже вечер. Дела у тебя уже сделаны. А ты мне про себя еще ни разу не рассказывала. Бабушка, бабуленька моя, расскажи, а?

– ...Ну, ладно. Помоги-ка сначала ты мне перетащить сюда мое кресло, ну, ты знаешь какое.

Все было быстро сделано.

– Ну, слушай. Родилась после войны сразу. Мой папа, вернувшись с флота, работал кузнецом, но вскоре умер от рака. Это болезнь такая. Осталось нас у мамы трое, и еще родиться должна была моя младшая сестренка. Старшей – семь, мне – четыре, брату моему – два. Мама работала в совхозе. Прибежит, покормит младшую и опять бежит на работу. Старшая возилась с ней, а я таскала чайником воду из колонки и выливала в ведро, потом одевала брата и мы шли на улицу. Так и жили. Голодновато было, но соседи чем могли, помогали. Спаси их, Господи. А когда подросли, уж легче стало, намажем солью кусок хлеба и на улицу... Летом-то благодать! Часто по лесам ходили, коренья какие-то ели, щавель. А грибов да ягод нанесешь – как на праздник вволю наешься. Зимой-то похуже – картошка, хлеб. А то очистки от картошки посолим и на печь, тоже вкусно. Вот, почему-то уголь любила очень. Поищу в печке получше, пооботру да и в рот. Хрум-хрум... – Бабушка улыбнулась. Федя открыл рот. – Организму, наверное, нужно... А то еще бывало, привезут по рельсам на свинарник маленькие вагончики с отходами для свиней. Иногда попадет надтреснутый арбуз, колхозники сами его себе забирают, дыни. Старшие ребята тоже что-то ловят в вагончиках, а нам уж то, что остается. Засунем руки, по самые плечи, в вонючее месиво и долго шарим там наощупь: то персик выковыряешь, то сливинки, яблочко – пооботрешь об себя и в рот. Взрослые нас гоняли.

А то обнаружим где-нибудь в деревянном складе, в боковой щелочке, жмых. Это на корм скоту идет. Прессованные семечки. Выковыряем пальцем или палочкой и наслаждаемся – вкусно! Вот так и постились, внучек.

– Как же вы так? – растерялся Федя.

– Вы же и умереть могли. А хлеб-то всегда был?

– Хлеб был. Но, помню, у мамы не было денег и она купила нам только полбуханки. И почему-то он был мороженный. Мама отрезает нам, а мы ссоримся меж собой, кому побольше. Мама вдруг на нас закричала, велела сосать его, а потом заплакала. Мы тогда испугались, при-

тихли и стали сосать мороженный хлеб, как конфетку. – Бабушка поковырялась в поленьях и опять огонь весело побежал по своей жертве, жадно обхватывая ее всю.

– Бабушка, а конфет, что ли, вы совсем не ели?

– Почему же? – она улыбнулась. – Что ж мы не такие, как вы, дети были? Тоже любили. Только, как бы тебе сказать, ... мы их зарабатывали.

– Как это? – изумился Федя.

Бабушка задумалась, заправила под косынку выбившуюся прядку:

– Где-то далеко от дома была большая старая свалка, куда валили мусор из города. Мы туда и наведывались, чтоб мама не знала. Пойдем с кем-нибудь и бродим там часами, бутылки ищем, банки. За бутылки больше давали, по рубль десять за штуку, помню. Да еще чего-нибудь там подбирали интересного. В карманы запиховали. ... Бутылки мыли и ходили сдавать в наш магазин, стыдно было, продавцы про это знали, иногда ворчали, разглядывали их на свет, а потом сворачивали маленький кулечек и клали туда грамм сто пятьдесят коровки. Подушечек больше давали. Рады мы были очень, что конфеты дают на заработанные нашим трудом.

Федя хотел помешать кочергой в печке.

– Рано еще, – остановила его бабушка. – Когда поленья почти сгорят и угольков много будет, тогда пошебурши там, а сейчас видишь, как весело там трещат.

– А игрушки у вас были? – помолчав, спросил Федя. – Были. Некоторые. Но мы любили их сами придумывать. Моей дочкой была маленькая скамеечка. Я поставлю ее вверх, через две верхние палки надену какую-нибудь кофту от младшей сестры, штаны, валенки и так она была похожа на большую куклу!

– Ха-ха-ха, – засмеялся Федя. – Ишь как вы придумывали, а еще что?

– Ну, вот опрокидывали табурет, привязывали к нему веревочку, садился кто-нибудь туда и ... поехали. Стол накроем до полу длинным покрывалом – вот тебе и дом. Там и играли. В прятки играли, в штандер, в чирика, лапту.

– А аттракционы у вас были какие-нибудь?

– Какие аттракционы? – засмеялась бабушка. – Зачем они? Вот, пожалуй, вместо этого иногда к нам приезжала большая машина-фургон. Продавец открывал двери, а мы с жадностью смотрели, что там у него внутри: куча новой обуви, одежда, свистульки глиняные, шарики, петушки на палочке, пряники. ... Продавец давал все это за тряпки. Мы носились всюду в поисках ветхого рванья и кланчили купить хотя бы свистульку. Но родители поглядывали на одежду. Мне очень хотелось кожаные сандалии с дырочками. Мы все тогда бегали босиком, вплоть до заморозков.

– И не болели?

– Нет. Порежемся если где стеклом, кровь посочится и перестанет.

– А Бог вам тогда помогал?

Бабушка помолчала:

– По совести сказать, не особо мы тогда верили. Время было очень тяжелое. Церковь была гонима, внучек. Храмы закрывали, а батюшек отправляли далеко в лагерь, мучили их и расстреливали. Все всего боялись.

Она помолчала, вздохнула. ...

– Они теперь как новомученики российские. Святые. У нас не было особой веры. Висела лишь высоко в углу какая-то маленькая темная иконка, а кто там был – мы и не знали. – Бабушка перекрестилась. – Прости нас, Господи. ... Вот, правда, на Троицу, хорошо помню, бегали в лес, за березой. Прикрепим, где только можно: за спинками железных кроватей, за фотографиями на столе. ... Намоем полы чисто, добела, настелем листьями из камыша – дух такой стоит! – крепкий, березо вый! – Она приоткрыла печку: – Ну, теперь бери и мешай кочергой, головешечку-то раздолбай получше да осторожно-то на пол. ... А я пойду, на часы взгляну.

Смотри-ка, метель-то не унимается. Федя присел на корточки. Лицо его обдало жаром углей. Они заморожено перемигивались и, казалось, тихо успокаивали добрым теплым уютом...

– Все, детка, закрывай печь и пошли спать. Тебе уже пора.

– Бабушка, – спросил Федя.

– А зимой, вот в такую погоду, вы тоже дома сидели?

– Не-а, – улыбнулась она. – Мы с горы любили кататься. Дома сестру оставим и идем с братом. Я его накутаю – и на гору. А там он уже сам соображает. Там гора больша-а-я была и все с нее катались на старых санях-розвальнях, ну, в лошадей запрягают которые. Не знаю, кто их нам дал. Наваливаемся целой кучей, один на другого. Кричим, визжим. Кто во что горазд. Долго сани катятся вниз, прямо в реку, и надо еще умудриться спрыгнуть, когда они начнут сворачивать в реку. Так кучей с ходу и валились. Крику, смеху, слез!.. Вот тебе и аттракцион. Тащили их все вместе в гору и опять заново. Приходили к вечеру мокрые и с сосульками в волосах.

– Вы так трудно жили, что плохо верили в Бога? А? Бабушка?

– Не-е, внучек, Господь нас оберегал все равно. Да мы особо и не страдали, что мало ели. Не до этого было. А Господь, ты же знаешь, всех любит, как солнышко, и плохим, и хорошим дает и ждет, когда мы поумнеем. А еще бывало погода к дождю. Темно становится, тревожно. Ка-а-а-к грохнет Господь – так небо наполовину раскалывает. Опять грохот. Мама крестится – ли-и-вень! Мы к окну, хватаем горшки с цветами, фуксии, розочки, герани – и скорей под ливень. Вот им хорошо!.. А потом солнышко. Как не бывало – радуга, а мы давно уж полумокрые бегаем по теплой грязи и лужам с пузырьками, смеемся. Сами, наверное, как воробьи. И у других, по дворам, тоже много разных цветов выставлено было. О грустном нам некогда было думать. Мы просто жили и играли. Ой, – воскликнула вдруг бабушка, хлопнув себя по лбу. – Забыла. До сих пор не знаю, как объяснить, но я разговаривала с Ангелом. И он всегда внимательно меня выслушивал.

– А ты его видела?

– Нет. Ни разу. Но, помню, самое сокровенное накопится в душе, даже маме не говорила, а все ему рассказывала. Он всегда молчал, но я знала, что он долго и терпеливо выслушивал меня. Очень многим я с ним делилась, все добросовестно рассказывала и успокоенная засыпала. Как-то мама удивленно спросила меня:

– А что ты во сне часто говоришь «Ангелочек, Ангелочек...»?

Мне тогда почему-то было очень стыдно, что мое тайное раскрыто. Долго я с ним еще делилась, а потом как-то все это прошло. Мы все грешные люди, детка.

Вьюга все еще выла за окном, настырно пролезая сквозь щели окон. Бабушка открыла печь – угольки потухли. Она подтянулась, закрыла боковую заслонку, осторожно спустилась, подцепляя на совочек выпавшие угольки, и забросила их обратно в печку, поглядела на внука – глаза у него уже закрывались. Тапок длинно свисал с ноги, размышляя – упасть или не упасть... Она медленно погладила его белобрысую головку, помогла встать:

– Пойдем, дитяtko мое, до кровати, заморозила тебя своими разговорами. Пойдем-ка, радость моя. Завтра ж и тебе «на работу».

Федина Пасха

– Ну, пошли, – наконец сказала бабушка.

Постояла. О чем-то подумала. Внимательно посмотрела на приедетого внука.

Взволнованный, немного напряженный, он смотрел на бабушку и ждал. Пошли. Христос Воскресе! Солнышко, ласковый ветерок, доносящий откуда-то, едва уловимое веяние свежей зелени. Федя, прикрыв один глаз ладонью, посмотрел на небо: тучки мелкие и светлые сжались по сторонам как бы за ненадобностью, предоставляя на этот день обширное ярко-синее небо.

Уже всюду заливался благовест, обещая сегодня особенный день. Колокола весело будоражили Федю. Ему казалось, что этот перезвон был как будто разноцветным – разные звуки раздавались во все стороны: Бам-бом! Динь-дон! Дан – бай!.. Пасха! Христос Воскресе! Навстречу шли знакомые люди и радостно приветствовали: Христос Воскресе! Воистину Воскресе! Улыбались все. И от этих слов Феде становилось очень радостно, и он все думал, сколько народу еще так будет приветствовать.

Бабушка была одета в темно-бордовую шерстяную кофту с торчащим из-под нее маленьким белым воротничком и простой белый платочек в мелких красных цветочках. Но еще было холодно и она взяла с собой старенький серый плащик. Люди торопились в храм: кто с мешочками, кто с корзиночками. Федя знал, что у всех там лежит: куличи, яички, пасха из творога и еще чего-нибудь. Бабушка тоже несла полиэтиленовый мешок. Все спешили в церковь. – Бам-бом! Динь-дон! Дон-динь-бомм! Христос Воскресе!

Народу-то в храме – не протолкнуться. Приходили и из других деревень – в белых, розовых, красных платочках, в основном в белых. Все нарядные, радостные, какие-то светящиеся, хоть и уставшие от давки. На аналоях вместо черных – белые с блестками покрытия. Батюшки и вся паства тоже в белых ризах. Взяв за руку Федю, бабушка сказала:

– Ты, деточка, держись, а то затолкать могут, потеряешься.

В суете и песнопениях он не расслышал ее, зато увидел. Где-то мелькнула голова Гришки. Видел и других знакомых ребят. Протолкнувшись, наконец, к батюшке на исповедь, бабушка попросила Федю стоять здесь и не отходить никуда, а она только поставит свечи и придет, и добавила, чтобы Федя хорошенько вспомнил все свои грехи.

Да, действительно, про исповедь-то он и позабыл, целуясь и толкаясь в храме. А Господь-то главное на это посмотрит! Еще вдруг и не простит? Федя стал сосредоточенно вспоминать, что он там нагрешил. Его подталкивали, сжимали, кто-то проходил задевая за локти. Но бабушка ему всегда говорила: вперед пропускай всегда стареньких и больных.

– Ты уже молодой человек и должен учиться терпеть.

Федя и не обижался, видя, что все время топчется на одном месте.

– Значит, так Господу угодно, – говорила часто бабушка.

Какая разница где стоять, думал он, все равно, хоть не толкаться. И подумать надо...

...Солнечные лучи, пробиваясь через цветные окна, как посланцы от Бога, разгуливали по всему храму, где хотели и тоже, казалось, восклицали вместе с кадившим всюду батюшкой: Христос Воскресе! И цветной уставший и радостный народ дружно весело гремел: Воистину Воскресе! Глаза у батюшки были совсем усталые, но из них любовным ручейком сочилась постоянная светлая радость. Весело, легонько вскидывал он кадило и, казалось, из самой глубины растроганной души вылетали эти драгоценные золотые слова: Христос Воскресе! И от них как будто разлетались солнечные лучи и опять дружно гремело в храме: Воистину Воскресе! Диакон, принаравливаясь к кадилу, тоже как-то особенно радостно, по-детски играя, подкидывал тлеющий уголек. Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Подошла, наконец, очередь Феде к исповеди. У аналоя он опустил голову. Священник, о. Мирослав, мягко положил руку на его вихрастую голову:

– Ну-с, молодой человек, – Феодор тебя звать? Что у тебя там за грехи?
– Бабушку не всегда слушаюсь. Бывает, что и совредничаю. – Он еще ниже наклонил голову. Сказать или не сказать? Надо... – Вчера вечером, у бабушки, выковырял дырку. Туда вовнутрь. Ну, вверх, туда. Попробовать, как у нее получилось.

Отец Мирослав удивился:

– А сбоку-то чего не отщипнул, зачем дырку-то ковырять?

– Ну... Ну, чтоб не видела... – Федя покраснел.

– Она заметила б это сегодня, когда будет разрезать, а в Пасху нельзя сердиться...

– Ишь, какой расчетливый, – улыбнулся батюшка. – Ну что ж, потом не забудь извиниться. – Он накрыл его голову епитрахилью, перекрестил: – Разрешаются грехи раба Божьего Феодора...

И как будто легче стало. А тут он увидел пробирающегося к нему Гришку.

– Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе! – ответил Федя немного порозовев от необычного приветствия.

– Ну, как исповедовался?

– Ага. А ты?

– А я еще вчера ночью.

– Как так? – изумился Федя. – Кто ж ночью исповедуется? В Пасху-то.

– Здравсте! – значительно посмотрел Гришка на него. – Вчера-то еще, пожалуй, главное-то было. Знаешь, сколько тут народу ночью стояло? Мне разрешили родители. А с двенадцати ночи все стали кричать: Христос Воскресе! – и целоваться, и сразу на Крестный Ход пошли. Я тоже со всеми. Даже запомнил, как пели. Гришка прищурил глаза и посмотрел вверх.

– Во! Воскресение Твое Христе Боже, Ангели пою-ю-т на небесех... Дальше я немного забыл, но все равно запомнил.

– Жаль. Надо было и мне отпроситься у бабушки. Я не знал.

– А бабулька твоя тоже была ночью. Вчера все взрослые причащались.

– Как?

– А вот та-а-ак, – передразнил его Гришка. – Как ты спал, она и причащалась. Я сам видел. Да вон она сама к тебе идет. Ну, я пошел. К своим, а то волноваться начнут.

Но спросить Федя не успел. Открылись врата и на амвоне показался другой батюшка с Чашей, о. Василий.

– Иди, деточка, – подтолкнула бабушка.

– А я здесь постою.

Федя положил на грудь сложенные крестом руки, правую на левую, протолкался к группе причащающихся детей и встал последним.

– ...Еще верую, яко сие есть самое пречистое Тело Твое и сия есть самая честная Кровь Твоя.

...Федя затаил дыхание... Что-то живое, настоящее вливалось в его душу, и от волнения даже стали выкатываться слезинки.

– ...Причащается раб Божий Феодор...

И вновь с клироса взлетают, текут радостно, как ручейки, песнопения:

– Христос Воскресе из мертвых.

И вновь взлетают слова:

– Светися, светися, Новый Иерусалим! Слава бо Господня на Тебе воссия!.. – стройная мощь певчих на клиросе уже торжествует на все лады.

– Пасха! Красная Пасха!..

Когда счастливый, розовый от волнения, Федя подошел к бабушке, она обняла его и звонко поцеловала три раза.

– Ну, вот, деточка, теперь ты вроде как Ангел, – и перекрестив, добавила:

– Храни тебя Христос!

Феде казалось, что повсюду все только светлое: праздничный звон на колокольне, ризы батюшек и диаконов, накидки на аналоях, платочки, улыбки людей. И всем им хотелось любить и обязательно сделать что-нибудь доброе. Вздохнув, забыв спросить, почему бабушка его оставила ночью, произнес:

– Когда я принял причастие, мне, бабушка, сделалось так хорошо и даже весело.

– Она не успела ответить, как опять послышалось: – Христос Воскресе! – Воистину Воскресе! И они, вместе со всеми, влились в общий торжественный хор. – Воистину Воскресе!

Бабушка дала ему свечи:

– Сейчас будет Крестный Ход, – сказала она.

– Второй Крестный Ход? – удивился Федя. – Ведь ночью был. – Бабушка тоже удивилась и посмотрела на него. – Откуда ты знаешь? – Гришка сказал. Но я не сержусь на тебя, что не разбудила. Наверное, так надо... – Бабушка опять поцеловала его:

– Ну, пошли на улицу.

Впереди, с большим Крестом, медленно и торжественно, шел диакон, за ним братия, батюшки, певчие и народ. Народ валил и валил из церкви, сливаясь в Крестный Ход. Феде показалось даже, что у всех внутри, как и у него, находились Христовы огоньки. Большие и маленькие. У некоторых иконы в вышитых чистых полотенчиках с кистями.

Первый раз, когда батюшки брызгали всех водичкой, до Феде не долетело ни капельки.

В третий раз, когда они уже стояли рядом с певчими, отец Мирослав, лукаво-весело взглянув на Федю, щедро крестообразно побрызгал его с бабушкой. Федя ойкнул от неожиданности и засмеялся вместе со всеми – во как освятили-то! Стал приглаживать свои волосы. Бабушка тоже – косынка у нее наполовину была мокрая. И все вокруг улыбались, глядя на них, но Федя знал, что это не над ним смеются, а тоже от радости. Христос Воскресе!

Потом все расходились по домам.

– Хороший день подарил нам сегодня Господь, – сказала бабушка, глядя на внука. – Потому что Он любит нас, хрупких, немощных.

– Хороший, – довольно подтвердил Федя. Он так был насыщен этим праздником, что не знал, что еще сказать, но немного подумав, добавил: – Это не то, что Новый Год. Там все напридумано. И подарки тоже. А здесь все настоящее, живое, и не найдя, что толком еще сказать, остановился и серьезно взглянул на бабушку. Она тоже остановилась, глядя на него.

– Что, деточка, забыли чего?

Федя смущенно смотрел на нее.

– Нет, бабушка, не забыли. Просто знаешь... Глаза его смотрели куда-то вверх, в сторону. Бабушка совсем удивилась.

– Ну... я там, у тебя, дырочку сделал...

– Какую дырочку? – бабушка оглядела себя. – Зачем?

– Да нет. Я у тебя в куличе вчера дырку проковырял. А там было вкусно, я там еще тогда проковырял, в серединке и вверх туда...

– Так чего с серединки-то, тоже удивилась бабушка.

– Ну как... чтоб по краям не было видно...

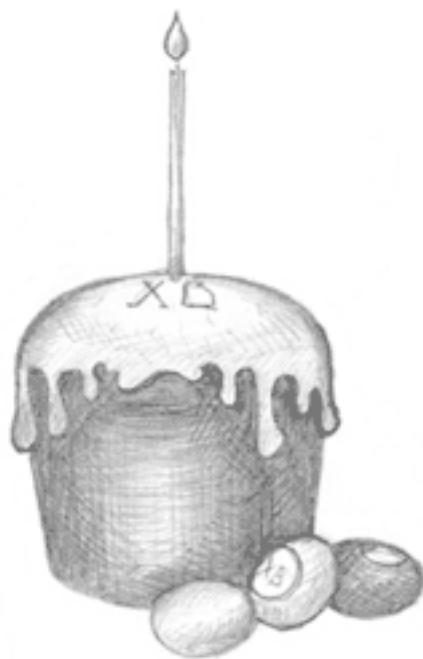
Бабушка удивилась и, засмеявшись, потрепала его по еще не высохшей голове.

– Ну что ж с тобой поделать? Вот отрежу выгрызанное и угощу тебя. Это все равно уже освященное. Согласен?

Федя засмеялся:

– Согласен, бабушка, – и вдруг сказал ей.

– Христос Воскресе!

Исповедь

Так уж получилось, что Федя остался с бабушкой. Она отправляла его в детский садик, а сама старалась успеть сделать все дела до вечера, чтоб у нее было побольше времени для занятий с внуком. Федя любил разные книжки, но бабушка старалась больше читать про разных святых или рассказывать о Господе. И хотя Федя почти наизусть знал кассету о преподобном Серафиме Саровском, но его больше тянуло к тем книгам, которые им читали в детском саду.

Когда наступал вечер, Федя привычно копался в книгах, давно уже перечитанных.

– Давай, бабушка, что-нибудь про царевичей. Или нет. Давай «Мишкину кашу», там смешно.

– Да хватит нам этой каши, – отвечала бабушка, – наелись.

Федя начинает, как обычно, жалобным голосом тянуть:

– Ну, ба-а-бушка, ну, последний разок, а? Ну, пожалуйста.

Сердце бабушки и начнет помаленьку таять:

– Ну уж если только последний. Ладно. Больше не буду.

А на другой день такой же разговор. Но бабушка уже непреклонна:

– Нет, внучек. В детском саду вам и так много рассказывают: про Тотош всяких, Чебурашек, еще поди и Шрека показывали.

Федя слегка покраснел:

– Бабушка, он добрый.

– Хм. А зверушки разве не могут быть добрыми? Нет, внучек, пойд и ты мне сегодня на встречу. Я тебе прочитаю еще одну главу из Нового Завета.

– Но ведь я и так знаю, кто создал Землю, – уныло протянул Федя, – и про Адама, и про Еву, про змея и что Божия Матьер наша родила Иисуса Христа.

– Этого недостаточно, внучек. Все мы обязаны знать Закон Божий и быть грамотными. А будем больше читать, будем задумываться и учиться жить по-Божески.

– Но там даже и картинок нет, – оправдывался Федя. – И не все понятно. Нет, – покачал он головой, – я не хочу читать эту фигню.

Лицо у бабушки стало строгим.

– Что ты сейчас сказал? – Федя покраснел. Он и сам был не рад, что так сказал, но слово уже вылетело. Бабушка сняла очки, долго внимательно смотрела на него. Глаза ее опустились. Она как-то вдруг сникла, и не найдя, что сказать, убрала книгу на место. Затем повернулась к нему спиной и ушла. Федя пошел за ней.

– Бабушка, прости меня, я не так хотел сказать... прости меня...

Бабушка долго молчала и тихонько сказала перекрестившись:

– Прости меня, Господи, это я виновата.

Но Федя услышав, перебил ее:

– Да нет, это я виноват!

Она посмотрела на него и тихо стала рассказывать:

– Знал бы ты, внучек, как Иисус наш Сладчайший страдал за нас. Сколько Он народу помогал, а когда вели Его на распятие, все отвернулись от Его. Даже любимые ученики. Его били, плевали в лицо, издевались... народу много было. Все злые, распаленные, глаза горят, машут руками, кричат – Распни Его! Распни! – Глаза бабушки наполнились слезами. Она вытерла их.

– Колючими иглами закрепили на голове Его терновый венец... потом рученьки и ноженьки Его прибили толстыми ржавыми гвоздями. И ОН, наш БОГ! – висел на том кресте... часами за нас... Один. Родненький наш. Как же Он терпел!..Только Мамочка Его, Боженька наша, стояла, плакала на коленочках:

– Свете, Сыночек мой, скорбит душа моя по Тебе!.. – Женщины еще там стояли.

Бабушка опять вытерла слезы. У Феде тоже защипало в носу. Бабушка посмотрела на него испытующим взглядом. Видя его замешательство, взяла за руку и тихонько подвела к иконе.

– Вот, Феденька, мы с тобой видели как исповедуются верующие люди перед батюшкой. Вот и ты, как умеешь, попробуй попроси своими словами. Только искренне: так мол и так, сказал такое слово, не подумавши. Сейчас я затеплю лампадку, подожди.

Федя стоял долго, смотрел на Иисуса Христа, жалел его и думал, какие бы подобрать слова, чтоб Господь увидел, что виноват он, Федя. Перекрестился, но не знал, как сказать.

– Не бойся, – сказала бабушка. – Господь поймет тебя...

Но Федя смотрел на икону, чувствуя, что внутри застряла какая-то скорбь, что-то нехорошо шевельнулось и запросилось наружу.

– Прости, Господи, что я сказал бабушке «фигню», – наконец выдал он.

Бабушка сказала:

– Это не меня, внучек, это на Закон Божий ты так. Попробуй-ка снова.

Трудно было думать. Мысли, как каменные, лениво переворачивались между собой. Чувство вины перемешалось со словами.

– Господи, прости, что я сказал на Закон Божий «фигня».

– Да что ты все повторяешь это дурное слово! – укоризненно воскликнула бабушка. Твой Бог тебя очень любит. Сколько доброты своей Он на нас изливает. Он смотрит на тебя и уж простил тебе. Он и врагов тех простил. Но ты-то уж посердечней скажи.

От этих слов, от своей вины, бессилия ему стало жарко и захотелось заплакать. Рукавом вытер подступившие слезы:

– Господи, я, я... я застрелю это дурное слово и не буду его никогда повторять! Прости Ты меня, а?..

Почуввав свободу, быстро-быстро покатались по щекам маленькие слезинки и как-то теперь уж захотелось ему глубоко и свободно вздохнуть, улыбнуться и... Бабушка обняла его.

– Ну вот и молодец. Вот и хорошо. Только уж без стрельбы-то. – Феде показалось, что он сделал сейчас какое-то очень главное дело. Но он сам уж, не зная почему, сказал:

– Ну давай читать с тобой следующую главу. Надо нам все это знать. Надо.

Бабушкин урок

Хорошо помогал бабушке на кухне Федя. Наливал воды в кастрюлю, мыл тарелки и даже пробовал чистить картошку. Под конец сам не выдержал:

– Бабушка, я молодец? Смотри, сколько тебе помог! Бабушка довольно улыбнулась:

– Сегодня ты мне очень помог, Феденька. Спасибо тебе.

– А так бы тебе трудновато пришлось без меня, – удовлетворенно заметил Федя, – если бы не я. Бабушка внимательно посмотрела на внука:

– Наверное, Феденька. Но я бы и сама справилась, только времени на это ушло больше.

– Ну, все-таки ты мною довольна? – домогался Федя и повторил. – Молодец я сегодня?

– Знаешь, внучек, мы сегодня оба довольны. И тебе приятно, что помог мне, и я довольна.

Только излишне хвалить себя. Надо быть как бы скромнее – не трубить о себе, а оставаться скромным. Сделал доброе дело – и слава Богу. А если привыкнешь, что тебя часто хвалят, начнешь сердиться, плакать, а где и руки в ход пускать. Приучишь себя к скромности – и тебе легче будет и людям приятно.

– Бабушка, – спросил Федя – а ты никогда-никогда не хвалилась?

– Всяко бывало, внучек. Конечно, тоже хватало. Господь-то все видит. И наказывал не раз. Бабушка задумалась.

– А расскажи, пожалуйста, как Господь тебя наказал за грех?

Бабушка посмотрела на часы:

– Ладно время еще есть. Где бы мне тут присесть? – оглянулась она. Федя, убрав тряпку, подставил ей табуретку.

– Садись, бабушка, рассказывай скорей.

– Ну, слушай. Только давно это было, а почему-то запомнилось. Мне тогда еще лет десять было. Жили мы очень бедно. Жили без отца, нас было четверо. Но была у нас козочка и она нас очень спасала. И все бы ничего. Вот с одеждой было туговато. Босиком бегали чуть ли не до заморозков. Помню очень долго я упрашивала маму купить мне платье. Хоть какое-нибудь. На барахолке. Раньше это у нас считалось как ярмарка. В определенный день съезжались люди в одно место и продавали, кто что хотел. Долго уговаривала маму. Наконец, поехали мы туда. Помню летом, давка там была... Все продают, кричат. А каких платьев там только не было... Я все хваталась то за одно, то за другое и устало, умоляюще просила:

– Давай это, мама, давай это.

Платье было очень красивое. Белое, из штапеля, с раскиданными на нем васильками, ромашками – круглый воротничок, рукавчики фонариком на резиночке – все тогда носили. Кушачок. Уж так оно мне понравилось! Куда и усталость девалась? Мама, глядя на меня, тоже рада. Приехали мы домой, мама делами занялась, да и мне надо помогать, а я платьем своим люблюсь. Как оно мне шло! Кручусь перед зеркалом и так, и этак – никак от себя не оторваться. А потом кружусь по комнате, представляя себя Золушкой. Какая была и какая стала!

Мама уже поругивала меня – поздно приехали, а коза не загнана. Но никак с платьем не расстаться. Решила в новом пойти, ведь не испачкаю его, да и на улице посмотрят, какое у меня платье. Пошла. А надо было переходить канаву, которая тянулась из кузницы, где ремонтировали тогда трактора, комбайны... все масла и грязь сливали в эту канаву, а чтоб никто не упал в нее, в конце ее сделали мостик. Но мы никогда не доходили до конца канавы – всегда перепрыгивали через нее. Сейчас вот думаю, зачем так далеко мостик был – перекинули бы две доски и готово.

– Бабушка, – нетерпеливо перебил внук, – а дальше-то что было?

Ну вот значит, перепрыгнула я тогда, как обычно, канаву. Вынула колышек, обмотала его веревкой, чтоб покороче был, и обратным путем к канаве. Коза – прыг через нее и меня

потянула рывком – веревка-то короткая была. А я не успела. И в эту канаву. Поднимаюсь... Течет с моего платья зловещая зеленая жижа. Только клочок белый от платья...

– И попало тебе, – пожалел бабушку Федя.

– Этого почему-то не помню. Наверное. Бабушка задумчиво вздохнула. Видишь, как иногда Господь нас воспитывает. И правильно – не хвались. И слава Богу за все.

Тяжкий грех

– Бабушка, – как-то спросил Федя, – ты мне когда-то обещала рассказать про твой самый главный грех.

Бабушка сидела в своем любимом стареньком кресле, довязывая внуку второй носок. Спицы как будто играли быстрым блеском в ее руках.

– Разве я тебе такое обещала? – она поглядела на него удивленно.

– Конечно. Я запомнил и все ждал, когда ты расскажешь.

Бабушка на время отложила вязание. Внимательно посмотрела на внука.

– Только вот я не знаю, можно ли тебе рассказывать такое. Тебе подрасти еще надо.

– Расскажи, пожалуйста, – умоляюще глядел на нее Федя. – Это же ведь не совсем страшно? Должен же и я, наверное, когда-то узнать грехи большие?

Бабушка внимательно смотрела на внука, мучимая вопросом – стоит или нет.

– Это считается большим грехом, Феденька, что когда-то сотворила я.

Но, Федя, казалось, еще больше разгорелся:

– Бабушка, а вдруг и я когда-нибудь совершу такой грех? А может тебе неудобно его рассказывать? – бабушка как будто немного очнулась. Подумала. Глубоко вздохнула.

– Ну, хорошо, слушай. Она снова взяла спицы и зачем-то опять долго разглядывала их.

Училась я тогда в интернате, в пятом классе. В семье у нас было четверо детей, а мама одна. Особых подруг у меня не было, вероятно одевалась я бедновато, была тихая. Училась тоже не очень хорошо. Особенно по математике. Все бы было и ничего, но надо так случиться, что мне понравился один мальчик. Он сидел за мной по парте. Парты – это небольшие наклонные деревянные столы на двоих учеников, в середине, в отверстие, воткнуты были чернильницы. Мы писали не как сейчас, а перышками. Когда встаешь из-за парты, чтобы ответить учителю, приоткрываешь нижнюю как бы дверцу, чтоб удобнее было вставать. Мальчик этот был красивый очень, хорошо учился, но самое главное – не обижал девчонок и ни с кем не дрался. Был очень дружелюбный, веселый. Звали его Володя. Помню, наши мальчишки любили чем-нибудь обидеть слабых, придумать прозвище. Меня особенно. Да не буду об этом. Девочки не защищали, учителя как будто тоже не обращали внимание на всякие мелочи. Даже за партой никто не хотел со мной сидеть и сидела я всегда одна, как отверженная. А это было очень мучительно. – Федя слушал. Смотрел, как опять быстро замелькали у бабушки спицы. – Только Володя не обижал меня и мы с ним даже о чем-то переговаривались. Это очень согревало меня. Казалось, светил внутри единственный слабый фонарик. Как бы хотелось с ним вести нормальную дружбу. Но я сама думала, что я – гадкий утенок, и даже не помышляла свободно с ним разговаривать. Хотя осмеливалась еще надеяться, что я ему, может, немного нравлюсь. Эта крохотная надежда давала какой-то единственный стержень. И стоило ему иногда со мной пошутить – сказать какое-нибудь единственное словечко с улыбкой, как теплая волна охватывала весь мой организм. Казалось, внутри что-то менялось от радости, укрепляя мой жизненный стержень. Теплая волна долго еще держалась внутри, согревала и уже хотелось думать, что он ко мне не равнодушен. Может потихоньку скрывает. От каждых редких, нечаянных, его фраз, казалось, внутри все вновь и вновь обжигало от радости и надежды. Жизнь становилась светлей, радостней и даже как-то реальной.

– Ты понимаешь что-нибудь? – спросила она, взглянув на Федю.

– Да, бабушка, ты хотела дружить с хорошим мальчиком, который не дрался. Ну, рассказывай скорее, дальше-то как?

– Ну слушай, детка. Спустя какое-то время произошло воровство. Тогда считалось серьезным происшествием. У одной из девочек, из нашей палаты, украли деньги. Стали всех

перебирать и остановились на мне. Я стала оправдываться, хотя почему-то чувствовала стыд, что подумали на меня.

Для этого случая всех нас собрали на линейку и завуч школы, при всех, объявила мою фамилию. Я стояла как скованная. Все внутри как-то застыло в черном пламени, как будто все светлое внутри сгорало. Даже мой маленький стержень. Боялась поднять глаза, но они искали Володю, и через головы увидела его в первых рядах. Лицо его было немного удивленным. Бабушка отложила снова вязание, задумалась.

– До сих пор помню то сокрушающее чувство горя и стыда. И еще страшней был страх, что меня выведут на середину зала. После всего этого опустошенная, подкошенная несправедливостью, в нашей палате снова и снова опухшая от слез, отрицала свою вину. Долго девочки пытались меня заставить признаться. Они убеждали меня:

– Признайся честно. Мы тебе простим. Ведь и так уж все знают, сколько же можно отпираться?

Совершенно обессиленная от всего, я подумала, какая разница, может и правда простят? Призналась.

– Да, я украла деньги, простите.

Все сразу притихли. Успокоились, уговорив меня. Но изменения никакого не произошло. Суровые молчаливые взгляды.

Заранее скажу, что выяснилось, деньги украл Мишка Завьялов. Наши спальни соединялись незакрывающимися дверями. У него нашли деньги. Он признался. Но заново все производить никто не стал. Устали, наверное. Бабушка задумчиво посмотрела куда-то вдаль.

– После этого жизнь уже потеряла для меня всякий смысл. Я, наверное, была уже никто. Не хотелось жить.

Бабушка достала из-под рукава тряпочку, вытерла появившиеся слезинки.

– Стала пить чернила, чтобы отравиться, выпила полбутылки – противно, кисло. И чтоб долго не думать, взяла в нашей домовой мастерской среднюю иглу.

– Помню, стою в школе, у стеночки. Рядом круглая печка топится, стеночка теплая. Напротив гардероб, там никого нет, баба Феня, гардеробщица наша, пошла звонить в колокольчик, что начался урок. Ребята еще пробежали мимо меня. Улучила момент, сунула иглу в рот. Поставила вертикально над горлом и осторожно впихнула ее во внутрь. Заглотнула слюной. Игла там как будто размышляла идти ей или не идти. Потом потихоньку, словно чего-то боясь, медленно, неуверенно поползла вниз. Забыла, каким концом я ее вставила. После этого мне так стало страшно и жалко себя. Я ведь сейчас погибну! Зачем? Зачем это сделала?! Глупая! Сильна все-таки жизнь. Зачем! Что сейчас с собой сделала. О Господи!!! Только тогда я вспомнила немного о Боге, хотя никогда и не ходила в церковь, и ничего не знала. А тогда как-то вспомнилось. Но не просила. А только произнесла:

«Господи...» Но было уже не до дальнейших раздумий. Я продолжала стоять у теплой стеночки и ждать, что будет. Ребята уже почти все разошлись по классам. А я ощущала, как внутри она осторожно, слегка покалывая, как будто ей там было неудобно, шла все ниже и ниже.

Федя открыв рот, со страхом смотрел на бабушку.

– И ты от этого не умерла!

Бабушка грустно улыбнулась.

– Как видишь. Наверное, Богу моему было неудобно... Постояла я так у стеночки и не торопясь пошла в класс. До сих пор не могу понять, ведь игла-то не маленькая. Тонкая и острая... Это было, внучек, покушение на самоубийство. Таких людей даже не отпевают в церкви батюшки наши. Не подают за них записочки, даже на кладбище их нельзя хоронить. Где-нибудь от него подальше. А ведь после смерти-то внучек как страшно. Дорога прямо в ад. А ты видел картинки-то эти. Есть и похуже. И человек-самоубийца будет мучиться очень и очень долго.

До настоящего Страшного Суда. Да и потом ему не поздоровится. Вот как Господь наказывает. Мы, внучек, никакого права не имеем сами кончать свою жизнь. Нас создал Бог, Он наш Хозяин, а не мы, грешные. Надо слушаться, любить Его, жить по-божески...

Бабушка опять глубоко вздохнула после слез, хотела взять носок, но раздумав положила его на место. Молчал и Федя.

– Это и правда большой грех, бабушка, – задумчиво произнес он.

– Ты ведь такая хорошая.

– Да, внучек мой. Я очень тогда провинилась пред Богом. Исповедовалась конечно. Сколько лет, а все помню. Спасибо Господу, что спас меня тогда.

На глазах у нее опять появились слезинки. Она подошла к маленькой иконке, висевшей справа от окна, стала тяжело опускаться на колени. Федя подбежал, хотел помочь, но бабушка молча погладила его по плечу. Она долго смотрела на икону тихонько шепча:

– Дай Господи, душеньке моей еще выплакаться, прости, прости меня... – и крестилась, крестилась...

Господи, помоги

Сидел как-то Федя с бабушкой около дома. Уже давно вечер, а хоть загорай. Солнце вовсю играет через деревянные заборинки и многочисленные лучики заливают глаза. Федя жмурится. Бабушка перебирала остатки старой картошки, срывая с нее светлые длинные росточки.

– Видишь, – сказала она, – как они в темноте растут, а при свете они так не выросли бы. Когда сажают картофель, его держат в подвалах – там и сыро, и темно. Ишь, какие усы-то!

Федя подумал и спросил:

– Почему мы темноты боимся?

– Хм, – бабушка озадаченно посмотрела на внука. – К чему ты?

– Но ведь мы знаем, что есть Бог, чего нам бояться? Он всегда защитит нас.

– А-а-а, вон ты что, – помолчав, ответила бабушка. – Но все в Божиих руках.

Она задумчиво открывала ростки.

Это только святые ничего не боятся, а мы еще не умеем полагаться на Бога. Больше на себя надеемся, вот Господь иногда и попускает для нашего смирения.

Убрал картошку в ведро, а ростки в мисочку, она, не торопясь, начала вставать.

– Бабушка, – спросил Федя, – а тебе когда-нибудь было страшно днем?

– Было, – помолчав, задумчиво сказала она. – Ну, пошли домой, готовить уже пора.

– Бабушка, – в нетерпении загорелся Федя и даже затопал ногами, – расскажи хоть, а я тебе дома все помогу, вот увидишь, бабушка!

Подставив под себя поудобней скамеечку и снова усевшись на нее, бабушка сказала: – Ну слушай. Давно это было. А вот почему-то до сих пор помню. Гостила я как-то у подруги в деревне. И все порывалась сходить в лес за грибами. А такая была страстница до грибов. Как чуть начнут появляться – сразу в лес.

Подруга меня еще все отговаривала:

– Не ходи одна-то, лес глухой, далеко от дома. Да и деревня вся встревожена – бандит сбежал из тюрьмы. Ходили по домам, искали. Ему и прятаться только в нашем лесу. Да и бурелома там много. Редко кто ходит да и то по два-три человека.

А мне вот зогорелось идти и все тут... До чего ж хочется грибков пособирать! Я подругу успокаиваю – по краешку, мол, буду ходить, найду дорогу-то. Соседка еще зачем-то пришла. Тоже отговаривала – все только говорят об этом. Днем-то страшно! Не ходи.

Пошла. Ножик на всякий случай взяла. Вроде как защищаться. Лес-то большой. В глубине души себя успокаивала: прямо уж так, с корзинкой поймает? Больше разговоров. А сама хожу по лесу. Зорко оглядываюсь. Тишина. Птички не поют, отпелись за лето. Хоть бы звук какой. Грибы собирать неинтересно – все прислушиваюсь... Набрала немного и увидела куст с ежевикой. А ягод-то! Весь обсыпанный. И все такие крупные! Про грибы забыла. Стала есть. Огляделась, а дальше еще больше обсыпано. Пожалела, что бидончик с собой не взяла. Набрала б. А потом как-то наклонилась я за крупной ягодой – чувствую сильный запах махорки. Курево такое. Во мне так все и замерло. Не знаю, что делать. Думаю, может показалось? Принюхиваюсь – воняет. Да крепко так. Жутко стало. Животный страх нашел. И тут во мне что-то тоненько вдруг проснулось потянулось к Богу. Гос-с-поди, помоги мне. Страшно! Тишина зловещая прямо. Две души только. Моя и того... Господи, скорей! Слезы выступили. Как птичку, думаю. Раз и все. Господи, помоги!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.